

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 340

DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-16-26

Конституционная дипломатия Российской империи: историографический анализ правовых инструментов влияния на Европу в XIX веке

Исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политico-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639)

Е. В. Виноградова

Доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

E-mail: evsfrf@gmail.com

Аннотация: создание российской историографической модели политico-правовых знаний предопределяет необходимость комплексных исследований, влияющих на выстраивание международных отношений. В этом контексте весьма важной частью научных изысканий следует считать конституционно-правовой анализ социально-правовых явлений, формирующих стратегии взаимодействия между странами. Одно из таких явлений – конституционная дипломатия: изучение ее конституционно-правового содержания позволяет сформулировать идеи для исследований, определяющих особенности политico-правового развития государств. До настоящего времени в научной литературе освещались исторические и политологические аспекты конституционной дипломатии, но как предмет конституционно-правового

© Виноградова Е. В., 2026

Эта работа распространяется по лицензии CC BY 4.0.
Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

анализа этот институт не был востребован. Цель данной работы – создание на основе изучения источников, отражающих отечественный опыт конституционного проектирования в XIX веке, модели политico-правовых знаний, в которой сквозь призму конституционной дипломатии можно проследить эволюцию подходов к стратегии участия России в международных отношениях. Для достижения поставленной цели был применен междисциплинарный подход, использованы основополагающие исследовательские принципы гуманитарных наук, институционально-структурного и системного анализа, общенаучные методы познания (диалектический, методы системного анализа, аналогии, синтеза, обобщения, сравнения) и правовые методы (формально-юридический, методы правового моделирования и сравнительного правоведения). Актуальность темы исследования предопределена тем, что институциализация доктрины конституционализма в современной России обусловлена междисциплинарными конституционно-правовыми, историческими, философскими, политологическими, социологическими исследованиями вопросов, которые оказывают влияние на международные отношения, эволюционирующие в условиях трансформации парадигм отношений между странами. Проведенный анализ значительного корпуса источников позволил сделать вывод о том, что отечественная конституционная дипломатия в XIX веке упрочила российский авторитет на международной арене. При этом ею применялись разные механизмы: от прямого создания государств под протекторатом с дарованием конституций до влияния через правовое регулирование поддержки национально-освободительных движений. Целью конституционной дипломатии была легитимация российского влияния и последующее его укрепление посредством использования инструментов «мягкой силы», что позволило России вовлекать новые территории и целые страны в орбиту своих интересов, одновременно встраиваясь в усложняющуюся систему международных отношений.

Ключевые слова: конституция; конституционная дипломатия; отечественные конституционные проекты; международная интеграция; международные отношения; Венский конгресс; внешняя политика; политico-правовая модель; историографический анализ

Constitutional Diplomacy of the Russian Empire: a Historiographical Analysis of Legal Instruments of Influence on Europe in the 19th Century

E. V. Vinogradova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka st., Moscow, 119019, Russia

E-mail: evsfrf@gmail.com

Abstract: *the development of a national historiographic model of political and legal knowledge necessitates comprehensive research that influences the formation of international relations. In this context, a constitutional and legal analysis of the socio-legal phenomena that shape strategies for interaction between countries should be considered a crucial part of the research conducted in this area. Constitutional diplomacy can be considered one such tool; studying its constitutional and legal content will allow for the formulation of ideas relevant to research that determines the specific features of the political and legal development of states. Until now, the historical and political science aspects of constitutional diplomacy have been explored in the academic literature, but this institution has remained under researched as a subject of constitutional and legal analysis. The purpose of this work is to create, by examining sources reflecting Russian experience in constitutional drafting in the 19th century, a model of political and legal knowledge that, through the prism of constitutional diplomacy, can be used to trace the evolution of approaches to the strategy of Russia's participation in international relations. The study utilized an interdisciplinary approach, drawing on fundamental research principles of the humanities, institutional-structural and systemic analysis, and general scientific methods of cognition (dialectical, systemic analysis, analogy, synthesis, generalization, comparison), as well as legal methods (formal legal, legal modeling, and comparative law). The article examines the experience of Russian constitutional diplomacy, which has had a significant impact on the state and legal structure of many European countries. The relevance of this research topic is determined by the fact that the institutionalization of the doctrine of constitutionalism in modern Russia is driven by interdisciplinary constitutional-legal, historical, philosophical, political, and sociological research on issues affecting international relations, which are evolving amidst the transformation of paradigms of relations between countries. The analysis of a significant body of sources leads to the conclusion that domestic constitutional diplomacy in the 19th century strengthened Russia's authority on the international stage. Various mechanisms were employed, ranging from the direct creation of protectorate states with the granting of constitutions to influencing national liberation movements through legal regulation. Its goal was to legitimize and strengthen Russian influence through the use of "soft power" instruments. Constitutional diplomacy allowed Russia to integrate new territories and entire countries into its orbit of interests, while simultaneously integrating into the increasingly complex system of international relations.*

Keywords: *constitution; constitutional diplomacy; domestic constitutional projects; international integration; international relations; Vienna Congress; foreign policy; political and legal model, historiographic analysis*

Конституция не только правовой документ, устанавливающий политico-правовые начала государства; в ней отражаются нравственные императивы, основанные на исторических, философских, мировоззренческих ценностях, влияющих на эволюцию государственного устройства. На протяжении многих десятилетий историографическая модель политico-правовых знаний, касающихся конституционно-правовых институтов, формировалась, за редким исключением, без учета вклада отечественных

философов, историков, юристов, представителей иных гуманитарных наук. В связи с актуальностью формирования новой отечественной историографической модели политico-правовых знаний, которая опирается на работы академиков А. Н. Савенкова, Т. Я. Хабриевой, известных российских ученых В. Е. Чиркина, В. Н. Плигина, В. С. Горбаня¹ и других, исследования конституционно-правовых институтов, определяющих особенности социального и политico-правового развития страны, представляют не только серьезный теоретический интерес, но создают фундамент конституционного регулирования общественных отношений, отражающих определенное мировоззрение и уровень правового сознания в обществе. Анализ конституционно-правовых институтов всегда отформатирован комплексным изучением философских, мировоззренческих, политологических, социологических идей и концепций. Выводы такого рода исследований не имеют должной степени репрезентативности без исторического контекста.

Предметное поле данного исследования ограничено рядом фактов. В первую очередь необходимо отметить, что в научной литературе отнесение тех или иных проектов к конституционным носит спорный характер, что обусловлено различиями источников, перечня регулируемых вопросов, процедуры принятия и т.п. Кроме того, позволим себе абстрагироваться от раскрытия правового содержания понятия «конституционализм», учитывая, что в отечественной конституционно-правовой науке изучению этого вопроса посвящено большое количество работ.

Целью данной статьи было создание на основе анализа опыта Российской империи XIX века модели, позволяющей сквозь призму конституционной дипломатии увидеть эволюцию политico-правовых подходов, в соответствии с которыми Россия в течение всего столетия не только участвовала в интеграционных процессах, но сама активно их формировала. В реалиях сегодняшнего дня такой анализ обосновывает стратегии участия России в международных отношениях. Учитывая исторический опыт, в котором, по мнению Президента РФ В. В. Путина, мы имеем неоспоримые преимущества, и «копирайсь на фундамент того, что сделано предыдущими поколениями»², наша страна использует собственный конституционно-правовой опыт как инструмент поиска баланса международной интеграции.

¹ Савенков А. Н. Значение идей Н. Я. Данилевского для формирования современной философии права // Государство и право. 2023. № 10. С. 7–16; Он же. Философия права и становление российского государства-цивилизации: моногр. М.: Наука, 2024; Хабриева Т. Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 2: Монографии: Конституционный контроль. Правовая охрана Конституции. Теория современной конституции. М., 2018. С. 190–191; Чиркин В. Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М.: Зерцало, 1998; Плигин В. Н. Легальное господство и вопросы легитимности государства в работах Макса Вебера // Государство и право. 2020. № 7. С. 93–99; Он же. Проблема легитимности в современных политico-правовых учениях: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021; Горбань В. С. Историографические модели реконструкции политических и правовых учений // Государство и право. 2024. № 11. С. 7–22; Он же. Новая историография политico-правовой мысли как насущная задача юридических наук // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4 (104). С. 91–101.

² Встреча с участниками Общероссийского исторического собрания 22 июня 2016 г. // Офиц. сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/52201>.

Своеобразие отечественного конституционализма XIX века очень ярко проявляется в проектах и конституциях, которые в Российской империи разрабатывались для принятия в других странах. Как отмечают исследователи, «начинателями» здесь были Павел I и Александр I. Они видели «в этом одно из важнейших направлений внешней политики»³ и были, безусловно, правы: стратегия, при которой конституционный акт *перестает быть сугубо внутренним делом государства и становится заметным фактором в международных отношениях*, позволяет достигать внешнеполитических целей не столько силой оружия, сколько с помощью конституционно-правовых инструментов, формирующих благоприятную для страны правовую и политическую среду в других странах и регионах.

Такая стратегия в научно-политической литературе получила название «конституционная дипломатия». Однако сам термин «конституционная дипломатия», политика которой, как отмечает в своей работе В. Ю. Захаров, «стала одним из проявлений правительенного конституционализма в сфере внешней политики»⁴, использовался главным образом в работах по отечественной истории (впервые он был введен в научный оборот специалистом по международным отношениям А. М. Станиславской еще в 60-е годы прошлого века⁵), но оказался невостребованным специалистами в области права.

Конституционная дипломатия предполагает интеграцию новых территорий и включение присоединенных или освобожденных земель в правовую и политическую орбиту страны. Основная цель отечественной конституционной дипломатии состояла в легитимации и укреплении российского влияния. Она была инструментом «мягкой силы», позволявшим Российской империи вовлекать новые территории и целые страны в орбиту своих интересов, одновременно встраиваясь в усложняющуюся систему международных отношений. При этом использовались разные механизмы – от прямого создания государств под протекторатом с дарованием им конституций до влияния через правовое регулирование поддержки национально-освободительных движений.

Среди самых ярких примеров российской конституционной дипломатии следует назвать конституционные проекты, определившие влияние нашей страны на европейские конституционные процессы в XIX веке.

Один из первых «пилотных проектов» – инициированная императором Павлом I работа над Конституцией Ионических островов, освобожденных от французских войск

---

³ Сильная суверенная Россия. Государственно-правовой фундамент: моногр. / А. И. Александров, С. Н. Бабурин, Е. В. Виноградова [и др.]; под общ. ред. А. И. Александрова. М.: Ин-т государства и права РАН, 2024. С. 95.

⁴ Захаров В. Ю. Политика «конституционной дипломатии» Александра I в Польше и ее результаты // Россия и Польша: опыт тысячелетнего соседства: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 15 марта 2019 г.) / под ред. С. В. Леонова, Г. В. Талиной. М.: МПГУ, 2019. С. 137.

⁵ Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX века // История СССР. 1960. № 1. С. 59–76. Она же. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья: 1798–1807 гг. / отв. ред. С. А. Фейгина. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962; Она же. Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX века: Политика России в Ионической республике, 1798–1807 гг. М.: Наука, 1976.

русской эскадрой под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова. Фактически Россия создала первое в истории Греции независимое государство Нового времени, но под своим протекторатом. В 1799 году был разработан «План об учреждении правления на освобожденных от французов прежде бывших Венецианских островах и об установлении во оных порядка»⁶. Это был способ легитимировать российское присутствие в Средиземноморье и создать плацдарм для дальнейшего влияния на Османскую империю. Так называемая конституция Ушакова – результат совместного творчества участников конституционного процесса. Один из них, барон Г. А. Розенкампф, признавался: «Не могу сказать, чтобы эта работа была удачна, но я старался на сколько мог сохранить своеобразность этой страны и ее обывателей»⁷. Конституционно-правовое содержание этому документу должно было придать создание Сената – высшего законодательного и исполнительного органа, который избирался бы представителями каждого из семи островов, формировался выборным путем и возглавлялся президентом (конституцию Ушакова не поддержала турецкая сторона, и она не была принята). Важно отметить, что созданное в 1801 году Собрание народных представителей острова Корфу объявило себя Временным правительством и разработало собственную конституцию⁸ – вероятно, более «левую», чем конституция Ушакова. Александр I, который, по мнению К. Маркса, будучи ярко выраженным абсолютным монархом, «разыгрывал... роль героя либерализма во всей Европе»⁹, поручил подготовить новый проект, который 29 ноября 1803 года единогласно утвердило Законодательное собрание¹⁰. Таким образом, очевидно, что реальное влияние России на подготовку и принятие Конституции Ионических островов было решающим. Она стала проектом, задуманным и реализованным Министерством иностранных дел Российской империи. Острова были включены в сферу влияния России, что позволяло империи участвовать в сложной системе международных отношений Средиземноморья наравне с Великобританией, Францией и Османской империей.

Еще одной формой российской конституционной дипломатии в начале XIX века можно считать проекты и конституции, которые разрабатывались и принимались для национальных окраин государства. Финляндия, войдя в состав Российской империи, получила свою конституцию и парламент – сейм¹¹. Вместе с тем вопрос о наличии Основного закона у Финляндии в XIX веке в рамках научного дискурса сегодня по-прежнему остается спорным. Основные аргументы сводятся к тому, что термин «конституция» для Финляндии означал сохранение в ней прежнего политического

⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 20. Оп. 1. д. 379. л. 274.

⁷ Майков П. Барон Густав Андреевич Розенкампф // Русская старина. 1904. Кн. 11. С. 373.

⁸ Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX века...

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. Т. 14: Июль 1857 – ноябрь 1860 / [подгот. к печати Б. А. Крылов и Е. И. Удальцов]. М.: Госполитиздат, 1959. С. 511.

¹⁰ Внешняя политика XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия первая: 1801–1815 гг. Т. 1: Март 1801 г. – апрель 1804 г. / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Госполитиздат, 1960. С. 57.

¹¹ Виноградова Е. В., Раммур М. В. Историографический анализ государственно-правовой идентичности Швейцарии: трансформация принципа легитимизма // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 184–208.

строя, который существовал, когда она была в составе Швеции. Между тем слово «конституция» в том значении, в каком его употреблял Александр I (как синоним слов «установление», «учреждение», «устав», «уложение»), предполагает исключительно парламентское устройство, то есть создание сейма¹². Позднее Николай I, вступая на престол, повторил ряд положений актов 1809 года, установив «утвердить и удостоверить религию, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего княжества в особенности и все подданные, оное населяющие, от мала до велика, по конституциям их досель пользовались»¹³. Таким образом, можно заключить, что Александр I в 1809 году даровал вошедшей в состав Российской империи Финляндии конституцию, что позволило ей получить статус автономного Великого княжества Финляндского со своим сеймом и законодательством. Это была успешная модель интеграции, позволившая региону гармонично развиваться в составе империи.

В документах Венского конгресса 1814–1815 годов был отражен ряд договоренностей. Свидетельством соблюдения Россией своих обязательств стало выполнение соглашения о том, что всем польским территориям, отошедшим к различным странам, в соответствии с положениями Заключительного генерального акта от 9 июня 1815 г. и Договора о разделе Польши от 21 апреля 1815 г., должна быть предоставлена автономия¹⁴. Следует отметить, что это предписание было выполнено только одной страной: 15 ноября 1815 года Россия даровала Польше конституцию – Конституционную Хартию Царства Польского¹⁵. Поправки к тексту, предложенному поляками, вносились Александром I и Н. Н. Новосильцевым. Отныне Царство Польское признавалось государством, которое соединилось «с Россией посредством передачи русским monarchам совокупности полномочий польских королей, в том числе и их власти учредительной»¹⁶. Войдя в состав Российской империи, Царство Польское получило особое управление и определенные черты автономии. Хартия устанавливала «порядок, принципы осуществления верховной власти (ст. 4.)»¹⁷. Объективно ее конституционно-правовое содержание определялось созывом Сейма – национального народного представительства. В Хартии были закреплены нормы избирательного права и гарантии гражданских, политических свобод, соответствовавших требованиям своего времени. Эти и другие положения позволяли оценивать принятый документ как один из самых либеральных конституционных актов в Европе¹⁸. Предоставление конституции

¹² См. об этом подробнее: Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 475–493; Коркунов Н. М. Русское государственное право: [в 2 т.] / под ред. и с доп. М. Б. Гorenberga. Изд. 6-е. СПб., 1909. Т. 1: Введение и общая часть. С. 198.

¹³ Собрание постановлений финляндских: [в 3 т.]. Т. 1: Узаконения, обнародованные на русском языке. С дополнениями. 1808–1839. СПб.: Гос. тип., 1902.

¹⁴ Хрестоматия по истории Нового времени стран Европы и Америки. Кн. 2: Международные отношения в 1648–1918 гг. / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. С. 112–116.

¹⁵ Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1881). СПб.: изд. Н. Д. Сергеевского, 1907. С. 41–108.

¹⁶ Нольде Б. Э. Указ. соч. С. 283.

¹⁷ Сильная суверенная Россия. Государственно-правовой фундамент. С. 77.

¹⁸ См.: Книга для чтения по истории Нового времени: [в 5 т.]. Т. 3 / [под ред. М. В. Бердоносова, А. М. Васютинского, А. К. Дживелегова и др.]. М.: Т-во И. Д. Сытина: Сотрудник школ (Залесская), 1912.

Царству Польскому в 1815 году было уникальным актом для абсолютной монархии. Несмотря на последующие восстания и отмену Хартии, этот опыт стал важной вехой в истории европейского конституционализма и попыткой интеграции польских земель в Российскую империю на особых правах.

Усилия России, определяющие вектор ее влияния на другие государства через правовые акты, были весьма активными. Современные исследователи отмечают, что внешнеполитическая конституционно-уставная деятельность России заключалась в ее участии в подготовке и принятии сербской конституции 1838 года, получившей название Устава Сербии, в решении конституционных вопросов ряда германских государств в 1814–1815 годах¹⁹. Только с помощью Российской империи в течение двух лет (1814–1815) были решены проблемы государственного устройства Швейцарии²⁰. Однако, как указывает Ю. Л. Шульженко, конституционные проекты, созданные для других государств, «предусматривали то, чего не было в самой России»²¹.

При этом позиция России, проявленная при создании независимых государств – Греции, Сербии, Румынии, – способствовала дезинтеграции Османской империи и одновременной интеграции христианских народов в общеевропейскую политическую и правовую систему. Российские юридические и административные модели активно заимствовались этими молодыми государствами. В частности, проект первой конституции Болгарии, так называемой Тырновской конституции 1879 года²², тоже был разработан нашими соотечественниками, которые взяли за основу Органический регламент Дунайских княжеств, созданный группой под руководством П. Д. Киселева, а также конституции Сербии, Румынии и Бельгии. Проект обсуждался на Особом совещании при Министерстве иностранных дел в Петербурге и был принят Учредительным собранием Болгарии 16 апреля 1879 года. Тырновская конституция стала итогом вековой борьбы болгарского народа за национальное и политическое освобождение. Она утвердила болгарскую государственно-правовую организацию, закрепила принципы, которые лежат в основе конституционной государственности.

Сам процесс подготовки и принятия Тырновской конституции можно рассматривать как демонстрацию эволюции конституционной дипломатии второй половины XIX века. После победы в Русско-турецкой войне (1877–1878) Россия активно участвовала в создании нового Болгарского княжества. Российская администрация во главе с князем А. М. Дондуковым-Корсаковым оказала прямое влияние на работу Учредительного собрания в Тырново. За основу Тырновской конституции, как указывалось выше, был взят либеральный бельгийский конституционный образец 1831 года, в то же время ее текст был предопределен стремлением сохранить стабильность и рычаги влияния. Способствуя появлению и становлению независимого болгарского государства, Россия пыталась использовать правовые инструменты для решения своих стратегических задач, главной из которых было ослабление Османской империи. Кроме того, создание дружественного сателлита на Балканах имело целью обеспечить

¹⁹ Сильная суверенная Россия. Государственно-правовой фундамент. С. 97.

²⁰ Виноградова Е. В., Рамтур М. В. Указ. соч.

²¹ Шульженко Ю. Л. Отечественный конституционализм: ист.-юрид. исслед. / отв. ред. М. М. Славин. М.: Ин-т государства и права РАН, 2010. С. 35.

²² Конституция на Българското Царство. София, 1945.

России выход к Эгейскому морю и контроль над проливами. Активность России на Балканах и стремление контролировать проливы вызывали острое противодействие Великобритании и Австро-Венгрии, что привело в результате к Крымской и Русско-турецкой войнам. Это была конкурирующая интеграция – борьба за сферы влияния.

Действия России – хрестоматийный пример конституционной дипломатии. Конституция Ионических островов (1800 г.), создав республику под протекторатом Российской империи, закрепила военно-политическое присутствие в Средиземноморье: Российская империя получила плацдарм для влияния на Османскую империю и Балканы. Принятие этого документа сделало возможным восприятие России как гаранта законности и порядка в регионе. Конституции Великого княжества Финляндского и Царства Польского, направленные на их интеграцию в империю на особых, но подконтрольных условиях, позволили манифестировать Россию как «просвещенную монархию», идущую в ногу со временем. Активное участие в подготовке Основного закона освобожденной Болгарии позволило России сформировать дружественный, лояльный режим, встроить Болгарию в сферу своих geopolитических интересов, создав противовес другим великим державам.

Таким образом, можно выделить следующие основные цели российской конституционной дипломатии в XX веке. Во-первых, это усиление влияния с помощью «мягкой силы» – демонстрации собственной политической системы как передовой и привлекательной. Во-вторых, создание зоны стабильности и лояльных режимов путем продвижения дружественных политических элит и моделей управления в соседних странах, с тем чтобы обезопасить свои границы. В-третьих, легитимация экспансии или вмешательства, то есть обоснование своих действий, например создания протектората, через механизмы защиты законности, правопорядка или определенных ценностей.

Тезисно остановимся на проектах конституционной дипломатии в других странах. В этом ключе можно напомнить конституционно-правовой дискурс о Конституции Индии, появление которой было одним из условий выхода Индии из-под влияния Великобритании. Серьезные исследования по подготовке конституционных проектов стран так называемой народной демократии проводились и в СССР. Сегодня конституционная дипломатия проявляется иначе, сохраняя при этом свою правовую природу. Процесс вступления в Европейский союз требует от стран-кандидатов приведения своего законодательства, включая конституционные нормы, в соответствие с правом ЕС (*acquis communautaire*). Это мощнейший инструмент экспорта правовых стандартов.

В заключение следует отметить, что изучение паттернов российского конституционализма предполагает проведение комплексных исследований. Между тем на сегодняшний день, несмотря на наличие в отечественной социально-политической литературе исследований исторического и политологического аспектов конституционной дипломатии, работ, которые были бы посвящены изучению правового содержания конституционной дипломатии, нет. Актуализация внимания к возможностям использования этого правового механизма «мягкой силы», обладающего значительным потенциалом обеспечения устойчивости функционирования политico-правовой системы, позволит утверждать, что отечественные политico-правовые идеи и концепции незаслуженно игнорируются историографами в рамках государствоведческих исследований.

Библиографический список

Виноградова Е. В., Раттнер М. В. Историографический анализ государственно-правовой идентичности Швейцарии: трансформация принципа легитимизма // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 184–208. DOI: 10.17506/26867206_2025_25_2_184.

Внешняя политика XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия первая: 1801–1815 гг. Т. 1: Март 1801 г. – апрель 1804 г. / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Госполитиздат, 1960.

Горбань В. С. Историографические модели реконструкции политических и правовых учений // Государство и право. 2024. № 11. С. 7–22. DOI: 10.31857/S1026945224110017.

Горбань В. С. Новая историография политico-правовой мысли как насущная задача юридических наук // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4 (104). С. 91–101. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.104.4.091-101.

Гросул В. Я. Российский внешнеполитический конституционализм и Балканы (XVIII–XIX века) // Новая и новейшая история. 2011. № 2. С. 60–70.

Захаров В. Ю. Политика «конституционной дипломатии» Александра I в Польше и ее результаты // Россия и Польша: опыт тысячелетнего соседства: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 15 марта 2019 г.) / под ред. С. В. Леонова, Г. В. Талиной. М.: МПГУ, 2019. С. 135–149.

Книга для чтения по истории Нового времени: [в 5 т.]. Т. 3 / [под ред. М. В. Бердоносова, А. М. Васютинского, А. К. Дживелегова и др.]. М.: Т-во И. Д. Сытина: Сотрудник школ (Залесская), 1912.

Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1881). СПб.: изд. Н. Д. Сергеевского, 1907.

Конституция на Българското царство. София, 1945.

Коркунов Н. М. Русское государственное право: [в 2 т.]. Т. 1: Введение и общая часть / под ред. и с доп. М. Б. Горенберга. Изд. 6-е. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909.

Майков П. Барон Густав Андреевич Розенкампф // Русская старина. 1904. Кн. 10. С. 140–185; Кн. 11. С. 371–429.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. Т. 14: Июль 1857 – ноябрь 1860 / [подгот. к печати Б. А. Крылов и Е. И. Удальцов]. М.: Госполитиздат, 1959.

Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб.: Тип. «Правда», 1911.

Плигин В. Н. Легальное господство и вопросы легитимности государства в работах Макса Вебера // Государство и право. 2020. № 7. С. 93–99. DOI: 10.31857/S102694520010711-3.

Плигин В. Н. Проблема легитимности в современных политico-правовых учениях: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021.

Савенков А. Н. Значение идей Н. Я. Данилевского для формирования современной философии права // Государство и право. 2023. № 10. С. 7–16. DOI: 10.31857/S102694520028158-4.

Савенков А. Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации: моногр. М.: Наука, 2024.

Сильная суверенная Россия. Государственно-правовой фундамент: моногр. / А. И. Александров, С. Н. Бабурин, Е. В. Виноградова [и др.]; под общ. ред. А. И. Александрова. М.: Ин-т государства и права РАН, 2024.

Собрание постановлений финляндских: [в 3 т.]. Т. 1: Узаконения, обнародованные на русском языке. С дополнениями. 1808–1839. СПб.: Гос. тип., 1902.

Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX века // История СССР. 1960. № 1. С. 59–76.

Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX века: Политика России в Ионической республике, 1798–1807 гг. М.: Наука, 1976.

Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья: 1798–1807 гг. / отв. ред. С. А. Фейгина. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962.

Хабриева Т. Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 2: Монографии: Конституционный контроль. Правовая охрана Конституции. Теория современной конституции. М., 2018.

Хрестоматия по истории Нового времени стран Европы и Америки. Кн. 2: Международные отношения в 1648–1918 гг. / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010.

Чернов А. В. Ионическая конституция 1799 г. в отечественной историографии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 2. С. 120–129. DOI: 10.18384/2310-676X-2023-2-120-129.

Чиркин В. Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М.: Зерцало, 1998.

Шульженко Ю. Л. Отечественный конституционализм. Историко-юридическое исследование / отв. ред. М. М. Славин. М.: Ин-т государства и права РАН, 2010.

Информация для цитирования

Виноградова Е. В. Конституционная дипломатия Российской империи: историографический анализ правовых инструментов влияния на Европу в XIX веке // Ex jure. 2026. № 1. С. 16–26. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-16-26

Vinogradova E. V. Constitutional Diplomacy of the Russian Empire: a Historiographical Analysis of Legal Instruments of Influence on Europe in the 19th Century. Ex jure. 2026. № 1. Pp. 16–26. DOI: 10.17072/2619-0648-2026-1-16-26
